

**ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
PRO ET CONTRA****М.Ф. ЧЕРНЫШ*

В международном праве, в международной политике, в политике в целом, в тех случаях, когда доминирует право сильного, двойные стандарты в обществе становятся нормой. В обыденном сознании, законотворчестве, правоприменении двойные стандарты осуждаются, но, несмотря на это, они оказываются удивительно живучими. Возникает вопрос: действительно ли, создавая демократические институты, частное и публичное право, критикуя практику двойных стандартов, люди преследуют цель их искоренения? Действительно ли возможно общество без двойных стандартов? Или двойные стандарты – это неизбежность, обратная сторона процесса унификации, сопровождающая утверждение любых стандартов?

В основе двойных стандартов лежит манихейская картина мира, в которой доминирует оппозиция «свой – чужие». «Свои» наделяются множеством достоинств, «чужим» присваиваются отрицательные черты. Возникнув в палеолите и достигнув расцвета в манихейской идеологии в эпоху европейского Средневековья, принцип «свой – чужие» постепенно терял свои позиции в гуманистическую эпоху. Тем не менее из нашего сознания такой подход не исчез окончательно, а лишь ушел в коллективное бессознательное, актуализируясь через феномен двойных стандартов. Двойные стандарты в социальной политике – это, по сути, возникающее противоречие между принятыми в обществе ценностями и частными интересами, разрешаемое, как правило, в пользу частных интересов. Отсюда необходимость для аналитика рассматривать двойные стандарты на разных уровнях – на уровне функционирования государственных и общественных институтов и на микроуровне, где принцип «свой – чужой» работает как основа стандартизации саморегулирующейся повседневности.

В статье я не предлагаю рецептов преодоления двойных стандартов. Я лишь хочу показать, что борьба с двойственностью в оценке стандартов социальной жизни и социальной политики не такая простая задача, как может показаться на первый взгляд. В тексте статьи я буду опираться на оценки двойных стандартов в дискурсах социологов различных идейных ориентаций (левой, либеральной, центристской, технократической и т.д.).

* Статья подготовлена на основе выступления на конференции «Диагностика власти и управления: коммуникативные механизмы и «двойные стандарты»; XV Дридзевские чтения, проект Российского научного фонда (РНФ) «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», грант № 14-28-00217.

Идеалы равенства, свободы и практика двойных стандартов

Современное государство по определению – это агент, реализующий эгалитарные принципы. Все граждане объявлены государством равными перед законом. Однако сама политика эгалитаризма при ближайшем рассмотрении оказывается воплощением двойных стандартов.

В условиях демократии все взрослые граждане имеют право избирать и быть избранными. Но что означает это формальное право в условиях, когда избирательная кампания, реклама кандидатов по телевидению стоит огромных денег? Как правило, наилучшие шансы получить место в парламенте, стать губернатором или руководителем муниципального образования имеют те, у кого больше организационных средств и денежных ресурсов. Так рождается практика двойных стандартов, разрушающая идеал равных прав в демократическом обществе.

По мнению левых, поощряемых либеральными сообществами, дискурс свободы также неизбежно подразумевает двойные стандарты. Можно ли говорить о свободе в обществе, разделенном на сверхбогатую элиту и полунищее население, на политический класс, поставивший под контроль управление страной, и рядовых избирателей, не способных влиять на принимаемые решения? Можно ли говорить о свободе человеку, который не имеет средств к существованию? Велика ли для него, например, свобода путешествовать по миру или селиться там, где лучше условия, приятнее ландшафт?

Для экономик, твердо вставших на путь развития, в понятии свободы скрыта такая же закономерность, как и та, что была установлена И. Бентамом (1748–1832) в понятии «счастье». Если счастье может прирастать постепенно, по мере достижения обществом более высокой степени развития, то и свобода может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от той ситуации, в которой находится большинство населения. Сделать всех более свободными означало бы создать для всех граждан больше возможностей выбора, причем не только в сфере политики, но и в экономике, а также в связанной с ней сфере потребления. Однако в переходных экономиках этот идеал почти недостижим – этому мешает «правило уравнивания с нулевой суммой»: если свобода в обществе прирастает за счет одной элитной группы, то она по законам функционирования этого правила убывает в других группах. Эта специфика переходных экономик, порождая разрыв между популистскими эгалитаристскими декларациями и реальными возможностями общества, формирует практику двойных стандартов.

Необходимо признать, что обнаружение двойных стандартов и признание их неприемлемыми стало одной из причин, приведших к кризису созданного большевиками эгалитарного государства. Большевики заявляли о том, что одной из своих целей считают достижение равенства, причем не только перед законом, но и равенства доходов, равенства потребления. Сама постановка подобной цели выглядела свидетельством

утопического мышления. Любое общество — и здесь был прав П. Сорокин — порождает иерархии. Ш. Айзенштадт охарактеризовал этот процесс как рождение организации: если общество является собой организацией, то и функционировать оно должно по тем правилам и законам, которыми руководствуются упорядоченные структуры, а они неизменно генерируют иерархии в разных измерениях — экономическом, управленческом, символическом¹. Идея коммунизма как всеобщего равенства какое-то время держалась благодаря вере в то, что в будущем неравенство будет искоренено, а «родимые пятна» капитализма будут сведены на нет политикой социальной справедливости, которая экономически уравнивает всех граждан страны. Как только рассеялись иллюзии, сначала небольшая прослойка интеллектуалов, а затем все более широкие массы населения констатировали присутствие в обществе двойных стандартов.

В немалой степени распознаванию двойных стандартов в советской России способствовало и развитие новых средств массовой информации, новых носителей, делавших тайное более или менее явным. Радио, телевидение, фотография, а затем и видео сделали видимыми образ жизни и притязания правящей элиты. Идея равенства оказалась лишенной смысла в обществе, где вопросы распределения «хлебных» мест, места в социальных лифтах распределялись благодаря неформальным связям, благу, черному рынку. Советское общество становилось тем менее эгалитарным, чем выше располагалась властно-бюрократическая позиция чиновника. Общая декларация о равенстве и свободе вошла в противоречие с реальностью закрытых магазинов для элиты, анекдотичной реальностью ситуации, в которой солдат уже не мог стать генералом, потому что у генерала был собственный сын, притязающий на высокий статус. Практика двойных стандартов в социальной политике возникла как явление, которое можно назвать «похищением государства».

Двойные стандарты и «похищение государства»

Под «похищением государства» я подразумеваю присваивание инструментов государства, их использование в интересах небольшой группы людей, в интересах клики в ущерб населению.

В работе «Диалектика просвещения» два левых философа Т. Адорно и М. Хоркхаймер констатировали, что реальность капиталистического общества оказалась далекой от того будущего идеала, который следовал из идей Карла Маркса². В XX в. основной конфликт капиталистического общества — конфликт между производительными силами и производственными отношениями — был снят государственным вмешательством. Государство стало активно входить в экономическую жизнь, диктовать условия и буржуазии, и рабочему классу. Диктатура государства имела следствием гомогенизацию социальной жизни, ее тотализацию: контроль государства над экономикой сопровождался его господством в области распространения информации. Этатист-

ская природа новой эпохи, полагали Адорно и Хоркхаймер, имела два крайних, негативных воплощения — фашизм в Германии или Италии, и коммунизм в СССР и странах Восточной Европы. В обоих случаях в основу господствующей идеологии была положена идея двойных стандартов, делящих общество либо по социальному (идея коммунизма), либо по этническому (идея высшей расы) признаку. Двойственность здесь выражалась в том, что национальные интересы декларировались как всеобщие, но на практике они по разному применялись к «своим» и «чужим», к «врагам народа» и т.д.

Для левых мыслителей становление государства в качестве ключевого этатистского агента социальной эволюции означало крах надежд на движение мировой истории к более совершенному обществу. Итоги Второй мировой войны заставили левых аналитиков признать, что история не имеет предначертанных линий развития, а коммунизм не может рассматриваться в качестве универсального исхода социальных коллизий. После краха идей фашизма и коммунизма будущее для этатизма утрачивало определенность, а история наполнялась свидетельствами регресса, отката к архаичным формам идеократической диктатуры, подчинявшей себе большинство населения не где-то на окраинах мира, а в самом центре демократической Европы.

Иначе оценивает активизацию государства в урегулировании конфликта между рабочим классом и буржуазией немецкий социолог Р. Дарендорф³. Исследуя ситуацию в развитых и успешно развивающихся экономиках мира, он оправдывал вхождение государства в центр социальной жизни, в ту ее сферу, где частные интересы, в том числе интересы государства и людей, сходятся для поиска компромисса. Идеальное государство равноудалено и от собственников и от наемных работников, и от богатых, и от бедных. При этом оно обладает достаточными ресурсами влияния для того, чтобы принудить конфликтующие стороны к соблюдению общих правил игры. Аналогичные идеи высказывает польский социолог В. Веселовский: в новую эпоху государство, опираясь на принцип участия рабочих в управлении производством и в прибылях, берет на себя лидирующую роль в переговорах между трудом и капиталом, примиряет оппонентов⁴. При всей разности оценок общим для социологов разных направлений стало признание способности государства через демократические институты вырабатывать общий стандарт, общие ценности для разных социальных групп и успешно бороться с политикой двойных стандартов.

Вставший на путь модернизации своей экономики Китай пошел по другому пути. В Китае сохраняется прежняя институциональная система, включающая в себя руководящую роль Коммунистической партии, но при этом, постепенно, шаг за шагом, не нарушая сложившихся принципов принятия решений, в нее встраиваются рыночные механизмы хозяйствования. Сохранение ведущей роли государства рассматри-

ваеется как важное условие успешных рыночных реформ. В результате институциональная система страны находится в состоянии высокого напряжения, балансируя между традицией и инновацией: эгалитарные принципы жизни, заявленные существующими институтами, сталкиваются со стандартами рыночной системы распределения. Пока Китаю удается сохранять этот баланс. Государство, проводя новую политику, действительно становится стороной, согласующей социальные интересы. Снятие двойственности стандартов, порождаемой «рыночно-этатистской» политикой КПК и китайского государства происходит тем легче, чем динамичнее развивается экономика: сами темпы развития способствуют решению многих социальных проблем.

В российском обществе переход к рынку в 90-х гг. XX в. осуществлялся в форме шоковой терапии. Радикальной трансформации подверглись все существующие институты – экономические, политические, социальные. Двойственность стандартов в условиях шоковой терапии выражалась в том, что политика реформ декларировалась как выгодная всему населению. Однако на деле от результатов реформ выиграли лишь лица, приближенные к самим реформаторам, а подавляющая часть населения оказалась в числе проигравших.

В какой бы идеологической «обертке» ни подавались революционные изменения, они неизбежно приводят, хотя бы на время, к ослаблению государства. В момент такого ослабления возможно «похищение государства» акторами, стремящимися реализовать свой особый интерес через двойные стандарты, будь то интерес властный или экономический, коммерческий, а частный интерес представляется «похитителями» как всеобщий, т.е. как единственно возможный вариант реформ, способный вывести страну из кризиса. В обобщенной форме эту идею сформулировал президент Мексики Бенито Хуарес: «Друзьям – все, врагам – закон». Очень скоро выясняется, однако, что обеспечить соблюдение закона действующая власть не в состоянии. Для этого в обществе отсутствуют ресурсы и институты, которые активно разрушались в период революционной ломки. Большинство законов, которые спешно принимаются новыми властями, остается на бумаге. В реальности в обществе воцаряется хаос, который П. Сорокин охарактеризовал как «муть», в которой теряется значимость многих социальных ресурсов и, в частности, образования, квалификации, опыта⁵. Сорокин полагал, что по прошествии времени «муть» оседает, а носители ценных социальных ресурсов возвращают себе высокие позиции в обществе. На самом деле процессы, которые идут в обществе в период радикальных реформ, значительно сложнее простой схемы, описывающей короткий путь от хаоса к порядку. Финский социолог М. Кивинен полагает, что в российской Октябрьской революции 1917 г. заявила о себе в полной мере интеллектуальная, марксистская традиция неприятия государства как чуждого «народу», ищущему освобождения от классового господства.

Один из идеологов русской революции, ученый-юрист, историк, публицист М.А. Рейснер (1868–1928) предлагал специфическую форму политики двойных стандартов – реформировать государство, разрушая его формальные институты, а законность воплощать в «эстетической» и «мистической форме» как «чистую совесть» и «суровую правду». Речь фактически идет о произволе, регулирующемся только якобы свойственным «угнетенным» классам «естественным» чутьем, которое не может опираться на какие-либо внешние, институциональные ограничения. Кивинен подчеркивает, что делегитимация государства становится, по сути, легитимацией форм принятия решений, укорененных в традиционалистской микросреде⁶.

«Похищение государства» происходит в условиях, когда отсутствуют эффективные институты, способные поддерживать в обществе универсальную систему норм и когда на микроуровне возникает альтернативная система институтов, обеспечивающих относительный порядок. В основе этой системы лежат обменные отношения: договоренность о неизменных взаимных обязательствах. Принуждение к соблюдению договоренности обеспечивается имеющимися у договаривающихся сторон ресурсами. Подразумевается, что у каждой из сторон есть такой ресурс, который необходим другой договаривающейся стороне и без которого она не может реализовать свои планы. В современном российском обществе стандарты, по которым функционируют неформальные институты, получили название «понятий». «Жить по понятиям» означает соблюдать неформальные договоренности в полном объеме и, тем самым, сохранять статус договороспособной стороны.

На раннем этапе российских реформ «жизнь по понятиям» была в основном уделом криминального сообщества, которое по понятным причинам не могло надеяться на формальные институты. Впоследствии «понятийный» характер социальных отношений установился во многих сферах жизни, например, в сфере занятости, где работника брали на работу с условием, что большую часть заработной платы он будет получать «в конверте», т.е. наличными. Такие практики позволяли работодателям уходить от уплаты некоторых, наиболее обременительных налогов, а работникам – иметь более высокую оплату труда, чем это было бы возможно в случае полного соблюдения действующего налогового законодательства. Очевидно, что в этом случае возникала асимметрия ресурсов принуждения. Работодатель мог соблюдать достигнутую договоренность до момента, пока ему это выгодно. При этом работник не имел ресурсов, кроме собственной квалификации, навыков, посредством которых он мог бы принудить противоположную сторону к выполнению неформальной договоренности. Особенно часто работодатели пользовались этой асимметрией в период кризиса, когда приходило время избавляться от рабочей силы, ставшей избыточной. Работников увольняли без соблюдения правила выходного

пособия: если оно и выплачивалось, то лишь в том объеме, который был предусмотрен официальным контрактом. Двойные стандарты, установившиеся в сфере занятости, со всей очевидностью работали, прежде всего, на работодателя в ущерб рядовым работникам.

«Похищение государства» создавало благоприятные условия работодателям, но еще более оно играло на руку высшим эшелонам бюрократии. В отношении бюрократии, «приватизировавшей» государственные структуры, действовало правило «off-choosing» (без выбора): бюрократия отчитывалась только по тем пунктам, которые сама определяла для себя как необходимые. Многочисленные коррупционные практики, которые стали обычным делом для высшего и среднего слоя бюрократии, выводились из области распознавания контролирующими органами. Бюджетные средства присваивались, благодаря повсеместной практике «откатов» (в некоторых случаях «откат» чиновникам достигал 50%), фальсификациям расходов, выводам средств на счета подставных компаний, утечке капитала за рубеж. Даже в тех случаях, когда коррумпированных чиновников или правоохранителей, ловили за руку, они отделывались незначительным наказанием: правящий слой строго соблюдал правила неподсудности и ненаказуемости коррумпированных чиновников и потворствующих им предпринимателей⁷. Двойные стандарты стали обычной судебной практикой неэффективного государства: мелких нарушителей строго наказывали, чиновников, совершивших крупные хищения, либо не наказывали вовсе, либо наказывали символически, позволяя им сохранить незаконно накопленные капиталы и собственность.

В той или иной степени «похищение государства» происходит и в развитых странах и выражается в сознательном ослаблении регулирующей роли государственных институтов. Английские социологи Урри и Лэш назвали этот процесс «закатом организованного капитализма»⁸. В этой концепции капитализм был «организованным», пока государство действовало как посредник между интересами собственников, управленцев и рядовых работников. Неолиберальный монетаристский курс означал уход государства с позиции посредника и его отказ компенсировать рядовым работникам потери, которые они несли вследствие асимметрии в отношениях с работодателями. Уменьшить пособия, ослабить социальную политику — весь комплекс решений, которые принимались в русле неолиберального курса, означал отказ от регулирования социальных отношений, забвение социальных прав работников и ускоренную коммерциализацию важнейших сфер жизни общества.

Если в развитых странах неолиберальный курс заявлялся в открытую, то в России и некоторых других странах он камуфлировался специальной лексикой. Речь шла об «оптимизации», «улучшении доступа», «ликвидации очередей», «ускорении развития», «модернизации». Неолиберальная политика 90-х проводилась в России в услови-

ях, когда «организованный» капитализм в том смысле, в котором его характеризовали Урри и Лэш, еще не возник. Новая «дезорганизация» лишь накладывалась на «неорганизованность», которая изначально была присуща переходным экономикам и обществам, находившимся в фазе трансформации. Двойные стандарты зачастую вырождались в циничную языковую игру – сокращение заработных плат именовалось «оптимизацией», а рост цен приравнивался к «свободе производителей», неизбежной в рыночную эпоху. За кадром оставались проблемы монополизации рынка, коррумпированности бюрократии, извлекающей собственную ренту из текущих рыночных операций.

Двойные стандарты в 90-х гг. привели к существенным социальным потерям. В сфере образования они привели к разделению на сегменты: в одном культивировались элитные стандарты образования (появились частные детские сады, школы и элитные вузы), в другом – уровень образования оставался низким. Хотя государство декларировало равенство всех граждан в медицинском обслуживании, равенства не было и в этой сфере. Общие социальные блага перестали существовать: бесплатная медицина и здравоохранение по факту становились все более платными. В то время как элитные слои населения все чаще пользовались благами зарубежной медицины, менее благополучным гражданам предлагалось удовлетвориться платными, но при этом менее качественными услугами отечественной медицины. Высшие слои бюрократии привыкли жить на два дома: один в России, здесь делались состояния, другой за рубежом, где в комфортных условиях проживали семьи, дети получали качественное образование и вид на жительство. В результате, если говорить о населении в целом, двойные стандарты привели к заметному повышению смертности – численность населения уменьшалась едва ли не на миллион в год.

Опыт некоторых стран Африки, Азии и Латинской Америки показал, что такой порядок чреват социальной нестабильностью – гражданскими войнами, вооруженными оппозиционными движениями, переворотами, масштабными гражданскими протестами, революциями. Исследуя социально-экономическую ситуацию в странах Латинской Америки, перуанский экономист Эрнандо Де Сото пришел к выводу, что проблемы в развитии отстающих стран, особенно их социальная нестабильность, в значительной степени порождаются параллельным существованием институтов разного уровня – макро- и микро-⁹. «Затемненность» отношений собственности на макроуровне, непрозрачность прав владения и распоряжения приводит к доминированию на микроуровне «понятийных», распределительных отношений, заставляющих крестьян «договариваться» с местной властью и крупными собственниками. В некоторых случаях эти отношения сопровождаются таким явлением как «социальный бандитизм».

Впервые «похищение государства» заявило о себе в западных штатах США в XIX в. Бандиты, грабившие поезда, распределяли часть полу-

ченных таким образом средств в пользу местных сообществ. Благодаря этому они получали поддержку местных фермеров и затрудняли работу правоохранительных органов по их поимке и наказанию. В отсутствие государства, способного поддержать социальный порядок, возникала «сеть социальной поддержки», подпитывавшаяся криминальными доходами. «Стандарты» становились двойными потому, что криминальное сообщество по сути брало на себя функции государства.

В XX в. яркой иллюстрацией этого явления стал латиноамериканский наркобарон Пабло Эскобар. Небольшую часть доходов, которые он получал от реализации наркотиков, он тратил на помощь неимущим и воспроизводство социальной сферы – строил церкви, больницы, ремонтировал и строил школы. В церемонии прощания с ним приняли участие не только его ближайшие сподвижники, но и десятки тысяч людей, видевших в нем своего благодетеля. Параллельное существование двух институциональных уровней стало причиной рождения двойной морали. Для многих крестьян законы государства оказывались менее обязательными, чем неформальные узы, которыми скреплялись криминальные и местные сообщества. Было бы неверно считать, что подобные истории возможны только в Латинской Америке.

В 90-е гг., в разгар экономических неурядиц в России криминальные сообщества стали активно выдвигаться во власть, а иногда и становиться самой этой властью. Возглавив Совет директоров Красноярского алюминиевого завода, авторитетный бизнесмен Анатолий Быков сумел завоевать расположение многих сотрудников предприятия тем, что построил оснащенную по последнему слову техники глазную клинику, поддерживал в Красноярском крае детский спорт, строил храмы, финансировал издание академического полного собрания сочинений А.С. Пушкина к 200-летию поэта. «Похищение государства» принимало форму не просто приватизации его ресурсов, а присвоения самих его функций, включая функцию социальной защиты, принуждения и применения насилия.

Двойные стандарты как особенность институционального строительства

Современное общество, при всех его претензиях выглядеть оплотом принципов равенства и свободы, пронизано амбивалентными отношениями, которые несут двойные стандарты. Двойные стандарты, или позитивная дискриминация, пронизывают всю сферу социальной политики: пенсии, которые выплачиваются инвалидам, выше пенсий, которые государство платит тем, кто не имеет показаний к инвалидности. Многодетные семьи получают специальные пособия, а вдобавок к ним и другие формы социальной поддержки. Если же в семье один ребенок или двое, то никаких особых льгот для этой категории граждан не предусматривается.

Возникает вопрос: почему affirmative action (позитивная дискриминация), хотя и критикуется, но все же сохраняется в отношении тех социальных групп, которые по Конституции имеют те же права, что и все остальные? Одна из причин этого заключается в том, что политика преференций в отношении некоторых социальных групп носит макроинституциональный характер. Как правило, подобные привилегии обсуждаются парламентом страны, их оценивает исполнительная власть, они облекаются в форму закона. Большинство населения, как правило, поддерживает подобное законодательство, потому что оно позволяет власти восстанавливать социальную справедливость — повышать уровень занятости в тех социальных группах, права которых на рынке труда регулярно ущемляются, создавать возможность для тех, которые по причинам, от них не зависящим, не могут полноценно конкурировать с другими гражданами. Речь идет об инвалидах, в особенности об инвалидах по рождению, изначально лишенных тех возможностей, которые есть у обычных граждан. В некоторых случаях считается приемлемым компенсировать социальным или этническим группам те потери, которые они понесли в прошлом. В США, например, создана благоприятная законодательная среда для занятости чернокожих граждан, во Франции созданы условия для компенсации прошлых страданий народам, пострадавшим от колониальных войн и угнетения.

Разумеется, подобная политика позитивных двойных стандартов часто встречает сопротивление в обществе, значительная часть населения голосует против нее разными способами, включая ее гласный или негласный бойкот. В этом сегменте общества бытует убеждение в том, что принцип равенства всех граждан перед законом или на рынке труда должен выполняться неукоснительно, без каких-либо исключений.

Профессор Н. Смелзер (США), рассмотревший последствия применения affirmative action в Калифорнийском университете, пришел к выводу, что нарушения принципа равенства в некоторых случаях приводят к последствиям, противоположным тем, которые ожидалось¹⁰. Щедрые льготы чернокожим студентам при приеме в вузы позволяют им стать весомой долей студенческого сообщества. Университеты реализуют политику эмансипации чернокожих граждан и создают условия для интеграции в процессе обучения выходцев из разных расовых групп. Однако нарушение меритократических критериев приводит к тому, что понижается общий уровень успеваемости студентов вуза, снижается его привлекательность для будущих выпускников средних школ. В результате университет начинает проигрывать конкуренцию между вузами, его рейтинги падают. Приток чернокожих студентов привел к еще одному непреднамеренному последствию: расовому делению университета на кампусы. Один из кампусов (центров) университета стал по преимуществу «чернокожим», другой — «белым». Соответственно в первом кампусе уровень подготовки студентов снижается, а во вто-

ром повышается. Итогом позитивной дискриминации стала не интеграция студентов разных рас, а, напротив, углубление противоречий между ними. Вместо понижения градуса межрасовой напряженности политика позитивной дискриминации приводила к более высокому уровню взаимного неприятия, нетерпимости. Белые абитуриенты стали рассматривать политику набора, реализуемую университетом, как дискриминационную, так как, хотя они и получали высокие баллы, они лишались возможности поступить в университет, потому что на их долю приходилось меньше мест, чем на долю тех, кого считали жертвой дискриминации в прошлом. В результате уже белые абитуриенты стали обращаться в суд с протестом против дискриминационной политики. Ряд дел, выигранных в суде, заставил советы директоров университетов пересмотреть свою политику, уменьшить масштабы преференций для выходцев из низов общества.

Политика позитивной дискриминации тем более опасна в обществе, в котором социальные институты шатки и непрозрачны, а практика правоприменения полна эпизодов, когда одни и те же нормы по-разному применяются в отношении лиц, имеющих разный статус. В советском прошлом обычной практикой для многих выходцев из группы специалистов стало приобретение статуса рабочего. Для этого было достаточно отработать на заводе более одного года или отслужить два или более лет в советской армии. Рабочий статус позволял гражданину обходить социальные ограничения на вступление в КПСС, поступать в вуз не на общих основаниях, а по специальной квоте. В современной России привилегии для инвалидов привели к тому, что в некоторых вузах «инвалидная» квота при поступлении в вуз стала выбирать большую часть бюджетных мест для выпускников средних учебных заведений. Поступив в вуз, носители инвалидного статуса быстро избавлялись от него, восстанавливая свою дееспособность во всех других отношениях. Очень скоро выяснилось, что в «токсичной», насыщенной коррупцией и двойными стандартами институциональной среде статус инвалида может быть конвертирован в товар или обменный ресурс. Возникает закономерный вопрос: как избежать непреднамеренных последствий политики «выравнивания», свойственной большинству современных обществ?

Выясняется, что социальная политика поддержки неблагополучных слоев населения ведет к серьезным злоупотреблениям не только в обществах с переходной экономикой, но и становится причиной коррупции в обществах развитых, имеющих устойчивую институциональную систему. В США, например, в систему здравоохранения уходит почти пятая часть бюджета страны, при этом регулярно в этой системе происходят скандалы, громкие разоблачения, свидетельствующие о хищениях государственных средств. Стоит признать, что двойные стандарты, скрытые в любой социальной политике, неизбежно повышают уровень коррупции. Однако, несмотря на это, большинство обществ не отказывается

от политики «равенства шансов», полагая, что отказ от нее чреват еще большими социальными потерями, а, в конечном итоге, еще большим рассогласованием стандартов для разных групп населения.

Социально-политические причины политики двойных стандартов

Итак, мы выяснили, что политика двойных стандартов — это часто сознательная и повсеместная социально-политическая норма. Но теперь я хочу вернуться к тому, с чего начал статью: у меня нет готовых рецептов, позволяющих решить эту проблему. И, тем не менее, чтобы понять способы борьбы против нее, я не снимаю генерального вопроса, вытекающего из моей статьи: в чем социально-политические причины политики двойных стандартов?

А.С. Ахиезер видит причину этой политики в социокультурном расколе, т.е. в исторически сложившемся в России расколе между культурой и обществом. Раскол порождает практику «хромающих решений»: «Значимые решения в условиях раскола приобретают хромающий характер, то есть они принимают форму пульсации, метания между крайностями. Решение оказывается не в состоянии дать органический синтез накопленного культурного богатства и инноваций. Один полюс оппозиции абстрактно противопоставляется другому, манипулирует с ним, следуя обыденному сознанию. Решение принимается с креном в сторону одного полюса дуальной оппозиции, с тем чтобы затем подменить его решением, тяготеющим к противоположному полюсу той же дуальной оппозиции. Хромающее решение выглядит так, как будто каждому решению противостоит враждебная группа, которая немедленно берет реванш, вынуждая к альтернативному решению. Здесь отсутствует нацеленность на поиск меры, на результаты, наработанные Срединной культурой». «Решение постоянно отменяет само себя, запретительные решения принимаются, чтобы их отменить, разрешительные — чтобы запретить. Запреты обходятся “в порядке исключения”. Создаются условия для произвола и Страх перед ним, его реальными, возможными и мифологическими носителями. Хромающие решения в своих крайних формах не знают меры, нравственных ограничений. Поэтому они могут выступать в форме уголовных действий... В результате ни одно дело нельзя доделать до конца, тем более сложное. В России это повседневность»¹¹.

Трудно не согласиться с Ахиезером — такова была ситуация и в СССР, и в России 90-х, в определенной степени она сохраняется у нас и сегодня. Тем не менее приведенный в моей статье материал показывает, что политика двойных стандартов имеет место не только в странах, где доминирует социокультурный раскол. Двойные стандарты — это в той или иной степени общемировая практика, нередко поддерживаемая населением. Не менее ясно и то, что борьба с такой практикой — это сфера не столько технических, сколько политических решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Eisenstadt S. *Social Differentiation and Stratification*. – Glenview (Ill.): Scott, Foresman and Co., 1971.

² См.: Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. – М.; СПб., 1997.

³ См.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. – М., 2002.

⁴ См.: Веселовский В. Классы, слои и власть / пер. с польск. – М., 1981.

⁵ См.: Сорокин П. Социология революции. – М., 2008.

⁶ Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. – СПб., 2001. С. 43–44.

⁷ См.: Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 36–47.

⁸ См.: Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. – Cambridge: Polity Press, 1987.

⁹ См.: De Soto H. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. – N. Y.: Basic Books, 2000.

¹⁰ Smelser N. *Problematics of Affirmative Action: A View from California // Promise and Dilemma: Perspectives on Racial Diversity and Higher Education*. E.Y., Lowe, Jr. (ed.). – Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 169–192.

¹¹ О срединной культуре и медиационных процессах см.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. – Новосибирск, 1998. С. 546; см. также: Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. – М., 2008.

REFERENCES

Akhiezer A.S. *Russia: criticism of historical experience*. Socio-cultural Vocabulary. 2nd edition. Vol. II. Theory and methodology. Novosibirsk, Siberian Khronograph, 1998. 600 p. (in Russian).

Barsukova S.Yu. Corruption: scientific debates and Russian reality. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. 2008. No 5, pp. 36-47 (in Russian).

Dahrendorf R. *Modern social conflict. The essay on political liberties*. Moscow, 2002. 289 p. (Russian trans).

Davydov A.P. *Gogol's soul. An experiment in socio-cultural analysis*. Moscow, 2008. 264 p. (in Russian).

De Soto H. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York, Basic Books, 2000. 288 p.

Eisenstadt S. *Social Differentiation and Stratification*. Glenview, Ill., Scott, Foresman and Co., 1971. 248 p.

Horkheimer M., Adorno T. *The dialectics of enlightenment*. Moscow, Saint Petersburg, 1997. 312 p. (Russian trans).

Kivinen M. Progress and chaos. *Sociological analysis of the Russian past and future*. Saint Petersburg, 2001. 272 p. (Russian trans).

Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge, Polity Press, 1987. 392 p.

Smelser N. Problematics of Affirmative Action: A View from California. In: *Promise and Dilemma: Perspectives on Racial Diversity and Higher Education*. E.Y. Lowe (Jr.) (ed.). Princeton, Princeton University Press, 1999, pp. 169-192.

Sorokin P. *The Sociology of revolution*. Moscow, 2008. 784 p. (in Russian).

Veselovsky V. *Classes, strata and power*. Trans. from Polish into Russian. Moscow, 1981. 232 p.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению двойных стандартов в современном обществе. Двойные стандарты означают широкое пространство предпочтений для «своих» и сужение этого пространства для «чужих». Эта ситуация возникает, когда закон, принятый для того, чтобы оптимизировать работу социальной системы, вопреки желанию законодателей начинает ее разрушать. На этом фоне возникает альтернативная институциональная среда (микроинституты), работающая не «по закону», а «по понятиям». Если макроинституты, работающие по унифицированным стандартам, неэффективны, то микроинституты, стремятся заместить их. Таким образом возникают двойные стандарты. При этом не всегда двойные стандарты имеют негативное влияние на общество. «Выравнивая» жизненные шансы людей, двойные стандарты часто бывают закреплены в законе и принимаются обществом. Автор показывает, что социальная политика двойных стандартов – не такое простое явление, как кажется на первый взгляд, и выражает сомнения в том, что люди действительно хотят их устранения.

Ключевые слова: социальные классы, социальные институты, «двойные стандарты», антиномии.

Summary

The article concentrates on double standards in modern society. The existence of double standards implies a wider space of preferences for “friends” and a smaller space for «strangers». This situation arises when a law adopted for the better functioning of the social system starts working against it contrary to the original desires of legislators. The situation creates an alternative institutional environment (micro-institutes) that defy the law and concord with basic interactive norms. If micro institutes based on unified standards are not effective, micro institutes seek to replace them. Hence come double standards. Double standards do not always have a negative influence on society. They sometimes are used to equalize life chances and become part of legislation and society. The author shows that the social policy based on double standards is a simple phenomenon that is not as simple as it sometimes seems. The author believes that double standards are sometimes meet the requirements of social life.

Keywords: social classes, social institutions, double standards, antinomies.